

Мои воспоминанія и размышленія ¹⁾.

(Посвящается женѣ, дѣтямъ и внукамъ и внучкамъ).

Лѣто 1849 г. я снова проводилъ въ Таболовѣ и тамъ открылъ цѣлую библіотеку, для которой была отведена отдѣльная комната, какъ въ англійскихъ аристократическихъ замкахъ (library), и которая была размѣщена въ большомъ порядкѣ, въ очень красивыхъ большихъ шкафахъ: ключи отъ этихъ шкафовъ мнѣ удалось выпросить себѣ у старшаго сына Наталіи Алексѣевны, кандидата правъ Александра Степановича Мельгунова, но подѣ условіемъ не брать книгъ къ себѣ въ комнату, а читать ихъ въ самой библіотекѣ, что представляло немалыя неудобства, такъ какъ комната эта была совсѣмъ въ сторонѣ, почти всегда заперта, съ невыставленными окнами, со спертымъ воздухомъ, хотя я и настаивалъ, чтобы въ ней отворялись на цѣлый день форточки. Библіотека эта собрана была отцомъ и дѣдомъ Александра Степановича и заключала въ себѣ очень полную коллекцію французскихъ писателей XVII и XVIII вѣковъ въ очень хорошихъ переплетахъ и *Revue des deux Mondes* съ самаго начала его и до 1845 г. Французскими классиками я мало въ то время интересовался и прочелъ только *Confessions de Jean Jacques Rousseau*; но *Revue des deux Mondes* я подробно разсматривалъ и въ немъ особенно увлекся блистательными статьями *Franz Comte de Champagny—les Césars*, которыми я впоследствии запасся въ отдѣльномъ изданіи изъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1916 г.

университетской бібліотеки (2 тома исторіи Цезарей и 2-же тома *Fableau du monde Romain pendant les Césars*) и которыя я основательно прочиталъ уже по окончаніи университетскаго курса, справляясь съ источниками, на которые ссылался даровитый, очень религіозно настроенный и преданный католицизму авторъ.

Такимъ образомъ, въ историческомъ моемъ чтеніи ничего систематическаго не было, а было много случайнаго, и только три эпохи стали мнѣ этимъ путемъ ближе извѣстны—1) гуманизма и германской реформаціи, 2) первой французской революціи и 3) римскихъ Цезарей, особенно же Августа.

Наибольшую систематичностью все-таки отличалось мое чтеніе и изученіе сочиненій по части философіи: благодаря руководству М. Н. Каткова, я довольно близко ознакомился съ Платономъ, затѣмъ изучилъ логическій органъ Аристотеля и читалъ его политику, а въ 1848—1849 учебномъ году принялся за изученіе Бенеке. Прежде всего, по рекомендаціи Михаила Никифоровича, я прочиталъ его *Grundlegung zur Physik der itten* (въ противоположность Кантовской *Metaphysik der Sitten*) очень увлекательно изложенную въ формѣ писемъ. Не менѣе увлекательнымъ чтеніемъ были его *Psychologische Skizzen* (2 тома), къ которымъ я перешелъ потомъ и которые я завершилъ тщательнымъ изученіемъ его *Lehrbuch der Psychologie*.

Тяжкія времена тогда наступали для нашего просвѣщенія: слухи объ этомъ доходили и до насъ, студентовъ. Руками самого же Уварова разрушался болѣе чѣмъ умѣренный и скромный уваровскій классицизмъ и шли толки уже о прекращеніи преподаванія въ университетахъ исторіи философіи и о передачѣ преподаванія психологіи и логики профессору богословія. Въ виду этого ни Леонтьевъ, ни Катковъ не рѣшались усиленно вербовать себя послѣдователей по ихъ специальности, и Михайлъ Никифоровичъ, рекомендуя мнѣ изученіе психологическихъ сочиненій Бенеке, прямо указывалъ, что это мнѣ во всякомъ случаѣ пригодится и въ жизненномъ обиходѣ вообще, и въ занятіяхъ по исторіи, и въ педагогической дѣятельности, буде я себя ей посвящу. Впослѣдствіи уже, по окончаніи мною университетскаго курса, благодаря М. Н. Каткову, я имѣлъ счастливую возможность изучить 4 новыхъ берлинскихъ курса Шеллинга, которые въ то время еще не были изданы въ свѣтъ. Вообще все, что я изучалъ по части философіи подъ руководствомъ или по указанію М. Н. Каткова, было для меня важнымъ приобрѣтеніемъ на всю жизнь.

и профессоромъ политической экономіи и статистики, которыя въ то время принадлежали къ историко-филологическому факультету, хотя слушались и юристами, и которыя читались совмѣстно двумъ курсамъ III и IV-му: одинъ годъ—политическая экономія, другой годъ—статистика. Въ 1848—1849 учебномъ году я слушалъ статистику, а затѣмъ съ закрытіемъ дворянскаго института Чивилевъ перешелъ на службу въ С.-Петербургъ, и кафедра политической экономіи и статистики осталась въ продолженіе цѣлаго года вакантною до назначенія на нее И. В. Вернадскаго. Такимъ образомъ мнѣ не пришлось слушать лекцій въ университетѣ по политической экономіи. Я очень объ этомъ сожалѣлъ, постоянно наталкиваясь на политико-экономическіе вопросы при чтеніи книгъ по новой и новѣйшей исторіи, равно какъ и при чтеніи иностранныхъ газетъ. При томъ же говорили, что въ составъ экзамена на IV курсѣ все-таки войдетъ политическая экономія, и несомнѣнно изъ нея производился экзаменъ на степень магистра всеобщей исторіи. Случайно въ числѣ книгъ, не помню чьей библіотеки, распро- дававшейся у М. Н. Каткова, мнѣ вмѣстѣ съ Шекспиромъ въ переводѣ Шлегеля на нѣмецкомъ языкѣ, съ *S quattro poeti italiani* и сочиненіями Маккиавелли на итальянскомъ же языкѣ, попались и *Guillonin—Dictionnaire d'Economie politique*, *Rau—Lehrbuch der politischen Economie*, *Michel Chevalier—Cours d'Economie politique*.

Всѣ эти книги продавались съ большою уступкою, и я ихъ приобрѣлъ, и вскорѣ засѣлъ за политико-экономическія книги, положивъ въ основу сухой, но очень содержательный и точный учебникъ Рау, по которому читалъ свои лекціи Чивилевъ, и пополнялъ его статьями изъ вышеупомянутаго словаря, а затѣмъ прочиталъ и весь курсъ Мишеля Шевалье; изъ Рау я дѣлалъ даже письменное извлеченіе. Путемъ такихъ самостоятельныхъ занятій по отличнымъ книгамъ я приобрѣлъ, конечно, гораздо болѣе обширныя и болѣе прочныя познанія въ политической экономіи, чѣмъ если бы мнѣ удалось прослушать курсъ Чивилева или Вернадскаго, и эти познанія очень мнѣ пригодились впоследствии.

Начало 1848—1849 учебнаго года ознаменовалось посѣщеніемъ и осмотромъ Московскаго университета со стороны министра графа Уварова. Намъ онъ показался живымъ, но искусственнымъ, поддѣльнымъ, на пружинахъ, и раскрашеннымъ старичкомъ. Намъ, студентамъ, было предложено отъ его имени избрать по какому угодно предмету какую-либо тему, по со-

глашенію съ профессоромъ соответственной каѳедры и обработать ее въ видѣ лекціи для устнаго ея изложенія передъ министромъ по его назначенію. Для этихъ нашихъ чтеній по историко-филологическому факультету было назначено 20 сентября 1848 г. Охотниковъ нашлось множество. Списокъ ихъ и заглавія приготовленныхъ ими лекцій напечатаны въ X томѣ (стр. 140—143) въ высшей степени интереснаго и важнаго для всей современной общественной, литературной и научной русской исторіи сочиненія Н. П. Барсукова: *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Здѣсь перечислены 19 именъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ два только-что окончившихъ курсъ кандидата Филиповъ и Зедергольмъ: изъ нихъ приготовились читать 7 по русскому языку и словесности (Магницкій, Свербеевъ, Rogozinnikovъ, Гарусовъ, Бартеневъ, Сипягинъ, Базилевскій); 2—по русской исторіи (Худяковъ и канд. Филиповъ); 2—по славянскимъ нарѣчіямъ (Магницкій и Бѣляевъ); 4—по классической филологіи (Зедергольмъ, Соколовъ, Возницынъ и Хлоповъ); 1 по философіи (Безсоновъ); 1—по политической экономіи (Горловъ) и 3 по всеобщей исторіи (Rogozinnikovъ, Ешевскій и я, Георгіевскій); изъ нихъ двое по двумъ предметамъ (Rogozinnikovъ по русской словесности и всеобщей исторіи и Магницкій по русской словесности и славянскимъ нарѣчіямъ). Если не считать двоихъ кандидатовъ, то все-таки нашлось 17 человекъ, которые чувствовали себя въ силахъ въ 2—3 дня приготовиться къ устному изложенію передъ ученымъ министромъ, профессорами и студентами факультета и многими посторонними лицами избраннаго ими изъ какой-либо науки вопроса, а и всѣхъ-то студентовъ на нашемъ факультетѣ, не считая I курса, который къ этому экзамену не привлекался, было едва-ли больше 100 человекъ; очевидно, что въ то время было много настоящихъ студентовъ по крайней мѣрѣ на нашемъ факультетѣ.

Кому изъ этихъ 19 лицъ читать свою лекцію передъ министромъ, это повидимому было рѣшено имъ самимъ по соглашенію съ деканомъ факультета С. П. Шевыревымъ на основаніи представленнаго имъ списка студентовъ и ихъ лекцій. Русской словесности при этомъ было отдано предпочтеніе: по ней читали двое—Магницкій о Державинѣ и Свербеевъ о Крыловѣ. Отца Свербеева, вѣроятно, зналъ и самъ министръ, такъ какъ онъ занималъ видное и почетное мѣсто въ Московскомъ обществѣ. Другія лекція были выбраны, вѣроятно, потому, что судя по ихъ темамъ можно было удобнѣе составить себѣ понятіе о

направленіи преподаванія въ университетѣ. Это были Безсоновъ—о современномъ состояніи психологіи, Худяковъ о междоусобицѣ въ Московскомъ государствѣ и Горловъ о постепенномъ развитіи народнаго хозяйства. Наибольшею зрѣлостью и обдуманностью, наибольшею послѣдовательностью изложенія отличалась лекція Безсонова: онъ читалъ какъ настоящій профессоръ, съ твердою самоувѣренностью, безъ малѣйшей робости или оторопѣлости. Онъ былъ много старше всѣхъ насъ и былъ изъ числа окончившихъ полный курсъ ученія духовной семинаріи. Мы очень имъ гордились по этому случаю и говорили, что онъ поддержалъ честь студентовъ Московскаго университета предъ лицомъ министра. Еще до начала этихъ чтеній было намъ объявлено, кто будетъ читать, и потому не попавшіе въ число избранныхъ могли быть спокойными слушателями своихъ товарищей. Хотя выдающимся лекторомъ оказался собственно одинъ только Безсоновъ, но и другіе исполнили свое дѣло очень сносно.

Избранная мною лекція озаглавлена въ сочиненіи Н. Пл. Барсукова: „О предшественникахъ реформаціи“; въ сохранившихся у меня наброскахъ этой лекціи она носитъ болѣе точное заглавіе: „О значеніи гуманизма въ началѣ новой исторіи“. Миѣ пригодились въ этомъ случаѣ мои работы лѣтомъ 1847 г., объ Ульрихѣ Гуттенѣ. Прежде всего я думалъ коснуться въ своей лекціи противоположности возрѣній древне-классическаго міра и міра средневѣковаго и указать, что увлеченіе классическою древностью сильно подрывало авторитетъ и средневѣковой науки-схоластики и средневѣковыхъ учрежденій—іерархическихъ и феодальныхъ, что въ Италіи гуманизмъ ограничился главнѣйше возрожденіемъ наукъ и искусствъ, преобразивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и политическія возрѣнія (Маккіавелли), а въ Германіи, примкнувъ къ реформаціи, онъ содѣйствовалъ ея торжеству пораженіемъ схоластики и ея приверженцевъ, доминиканцевъ, въ ихъ борьбѣ противъ Рейхлина, и заготовленіемъ средствъ и способовъ для постановки дѣла реформаціи на твердую почву доступнаго для всей массы народа перевода священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта съ ихъ подлинныхъ языковъ, еврейскаго и греческаго, на языкъ нѣмецкій. Съ болѣею подробностью я предполагалъ остановиться при этомъ на Эразмѣ Роттердамскомъ, на Рейхлинѣ и на борьбѣ его съ схоластикой и инквизиціей по поводу изученія имъ древне-еврейскаго языка у еврея и на содѣйствіе ему Гуттена составленіемъ и напечатаніемъ *Epistolae obscurorum virorum*. Свой

планъ и нѣкоторыя подробности самаго изложенія я предварительно сообщилъ П. Н. Кудрявцеву, который ихъ вполне одобрилъ и потомъ очень сожалѣлъ, что ни я и никто по всеобщей исторіи не попалъ въ число избранныхъ лекторовъ. Странно, что никто изъ нашихъ профессоровъ не напалъ на мысль предоставить всѣмъ заготовившимъ лекціи изложить ихъ передъ товарищами и профессорами въ особые назначенныя для того часы. Быть можетъ, этому воспрепятствовали нижеслѣдующія обстоятельства, которыя излагаетъ Н. П. Барсуковъ въ X томѣ своего превосходнаго труда. (Стр. 144, 145).

Графъ Уваровъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ писалъ о нихъ: „Дабы нѣкоторымъ образомъ доказать юношеству степень и родъ участія, которое высшее начальство принимаетъ въ ихъ успѣхахъ, я допустилъ экзамены особаго рода, упражненія, въ коихъ студенты замѣняли преподавателей и гдѣ каждый по желанію могъ съ кафедры говорить о предметѣ, имъ избранномъ. Эти бесѣды, коими былъ мною сдѣланъ первый опытъ за 16 лѣтъ въ Московскомъ же университетѣ, имѣли полный успѣхъ: онѣ возбудили живое и благородное соревнованіе между студентами, рѣзко отдѣляя способныхъ отъ слабыхъ и открывая нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ; мнѣ же служили, такъ сказать, зеркаломъ, въ коемъ непосредственно отражались и духъ преподаванія профессоровъ, и собственный взглядъ молодыхъ людей на предметы, ихъ занимающіе. Этими вѣрными данными министерство не оставило воспользоваться и на будущее время“. Каково должно было быть и удивленіе, и огорченіе гр. Уварова, когда онъ прочелъ слѣдующее объ этомъ замѣчаніе Императора Николая Павловича: „Подобныя рѣчи съ кафедры студентовъ считаю полезными *только и единственно* для тѣхъ изъ нихъ, которые сами готовятся служить по учебной или учебной части; для прочихъ же считаю сіе рѣшительно *вреднымъ* и не могу дозволить продолжать сего, ибо оно вселяетъ въ нихъ привычку и желаніе блистать краснорѣчіемъ, что противно духу нашихъ постановленій и вовсе бесполезно“.

Первый опытъ въ этомъ родѣ, о коемъ упоминаетъ гр. Уваровъ въ своемъ отчетѣ, былъ имъ произведенъ въ 1832 г., въ качествѣ товарища министра при обзорѣниі Московскаго университета и гимназій. Въ своемъ отчетѣ объ этомъ обзорѣниі, который по его просьбѣ былъ въ подлинникѣ представленъ 4 декабря 1832 г. на Высочайшее воззрѣніе, С. С. Уваровъ, между прочимъ, говорилъ: „Во время моего пребыванія въ

Москва я не только посѣщалъ ежедневно лекціи профессоровъ, но еще передъ отъѣздомъ учредилъ на сей разъ въ каждомъ факультетѣ новый родъ испытанія для студентовъ, заставляя отличнѣйшихъ изъ нихъ отвѣчать съ кафедръ въ видѣ краткихъ лекцій на заданные имъ письменные вопросы, приуроченные къ пройденнымъ ими предметамъ. Дабы лучше обозрѣть цѣль сихъ упражненій, скажу, что включая впечатлѣніе, произведенное робостью молодыхъ людей и новостью сего образа испытанія, къ которому ни они, ни профессора не были ни мало приготовлены, я во многихъ изъ молодыхъ людей нашелъ весьма хорошія познанія и даръ выражать мысли правильно и даже пріятно. Прибавлю, что студенты медицинскаго факультета превзошли прочихъ въ сихъ упражненіяхъ или бесѣдахъ, коихъ примѣненіе могло бы быть повсюду полезно, ибо они служатъ для опытнаго наблюдателя лучшимъ мѣриломъ къ узнанію степени успѣховъ и способности cadaго и даже къ изслѣдованію образа мыслей предстоящаго юношества. Сей новый способъ, сначала напугавшій нѣкоторымъ образомъ не привыкшихъ къ оному студентовъ, возродилъ потомъ такое соревнованіе, что они неотступно и толпою искали у профессоровъ соизволенія явиться мгновенно на кафедрѣ въ моемъ присутствіи и въ присутствіи многихъ особъ, привлеченныхъ любопытствомъ, какъ-то: князя Д. В. Голицына, графа Румянцова, И. И. Дмитріева, князя С. С. Гагарина и многихъ другихъ, удостоявавшихъ весьма часто въ мою бытность университетскія лекціи своего посѣщенія¹⁾. Тогда сей „новый способъ“ не вызвалъ со стороны Императора Николая Павловича никакого укоризненнаго замѣчанія. „Способъ“ 1832 г. впрочемъ существенно отличался отъ „способа“ 1848 г.: въ 1832 г. это были, повидимому, отвѣты безъ всякой предварительной подготовки на предложенные письменно вопросы-отвѣты, излагаемые студентами связно и безъ перерывовъ съ кафедры, а въ 1848 г. это были настоящія пробныя лекціи, заранее подготовленныя, хотя и въ короткій срокъ времени, на избранную самимъ студентомъ тему. Можетъ ли служить тотъ или другой изъ этихъ способовъ лучшимъ, то-есть, наиболѣе надежнымъ и достовѣрнымъ, „мѣриломъ къ указанію степени успѣховъ и способностей cadaго и даже къ изслѣдованію образа мыслей юношества“, этотъ вопросъ можетъ быть здѣсь оставленъ безъ

¹⁾ Доп. къ сборн. постан. по Минист. Нар. Пр. Сиб. 1867 г., стр. 346 и 347.

дальнѣйшаго разъясненія; но что и тотъ, и другой могутъ быть вполне пригодны при производствѣ экзаменовъ какъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, и быть можетъ особенно при окончаніи курса въ тѣхъ и другихъ, это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію: ни съ педагогической, ни тѣмъ паче съ политической точки зрѣнія ни тотъ, ни другой не заслуживаютъ порицанія. „Новыми“ способами едва-ли можно ихъ назвать: издавна и у насъ, и за границей въ большомъ ходу предъ допущеніемъ къ преподаванію какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ и даже въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ пробныя лекціи, такъ и пробныя уроки на избранную самимъ испытуемымъ тему или на предложенную ему, или на ту и на другую, предъ воображаемыми слушателями или учениками и сообразно съ предполагаемымъ ихъ развитіемъ, познаніями и способностями. Но наиболѣе цѣнны подобныя лекціи, когда онѣ являются не въ качествѣ пробныхъ или служащихъ для испытанія, а въ качествѣ постоянныхъ научно-практическихъ упражненій. Имъ издавна придается большое значеніе и дано очень широкое развитіе въ знаменитой Парижской Ecole normale supérieure: упражненія эти составляютъ наибольшую силу этой школы и чуть ли не одну изъ главныхъ причинъ ея процвѣтанія и того, что она стала гордостью какъ всей Франціи, такъ и лучшихъ ея ученыхъ литераторовъ, которые чрезвычайно дорожатъ возможностью прибавить къ прочимъ своимъ званіямъ и титуламъ еще и указаніе на мѣсто своего высшаго образованія—normalien. Нашъ главный педагогическій институтъ былъ въ свое время устроенъ на подобіе этой Ecole normale supérieure, и весьма вѣроятно, что и этого рода научно-практическія упражненія были въ немъ въ ходу. Въ Германіи они также распространены и въ старшихъ классахъ гимназій, и въ университетахъ, да и у насъ, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, были распространены въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ. Императоръ Николай Павловичъ съ своей стороны признавалъ ихъ полезными *только и единственно* для тѣхъ, кто самъ готовится служить по ученой или учебной части; но къ этому кругу лицъ должно было и въ то время прибавить, кромѣ священно-служителей-проповѣдниковъ, еще секретарей-докладчиковъ по судебной и административной частямъ, а въ настоящее время и всѣхъ судей, прокуроровъ и адвокатовъ и ихъ помощниковъ, всѣхъ земскихъ дѣятелей и дѣятелей по городскому общественному управленію, равно какъ всѣхъ чле-

новъ многообразныхъ обществъ и комиссій, всѣхъ, кому приходится говорить публично въ качествѣ экспертовъ, и т. д. А противъ „желанія и привычки блистать краснорѣчіемъ“ опытные и разумные руководители этихъ полезныхъ научно-практическихъ упражненій должны быть постоянно насторожѣ и должны предостерегать отъ подобныхъ наклонностей и всячески имъ противодействовать съ чисто-научной, дѣловой и педагогической точки зрѣнія. Я возвращусь еще къ этому предмету, если мнѣ суждено будетъ дойти въ этихъ моихъ воспоминаніяхъ до осмотра мною въ ноябрѣ 1896 г. Ecole Normale supérieure de Paris.

А. Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

